

ВОЛНЫ СВЕТА: уроки школьной выставки

Евгений Александрович Ямбург,
директор центра образования № 109 г. Москвы,
член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук

Педагогические риски тесного и относительно длительного соприкосновения двух разных миров — современного искусства и школы — очевидны: взрывы при таком контакте неизбежны. Но именно взрывы расширяют сознание, делают людей более тонкими и одновременно более сложными. Будущее за сложными людьми, теми, кто призван будет разрешать запутанные, не имеющие простых решений проблемы, которые мы оставляем в наследство своим детям. Такие проблемы возникали и решались в 109-й московской школе: это и стало важным результатом выставки современного искусства, о которой в этом и предыдущем номере журнала рассказывает автор.

- арт-хаус • экспонаты современного искусства • вечные темы
- педагогический риск

Художественная провокация

Громкого скандала избежать не удалось. Спровоцировал его художественный жест одного из участников выставки. Что поделал, современное искусство провокативно.

Детонатором взрыва послужил «Пантеон школьных героев» Анны Броше: портреты писателей (обычно они используются для оформления кабинетов литературы) изрисованы художницей в стиле школьных шаржей в учебниках. Кто из нас в детстве не пририсовывал рожки Пушкину и усики Есенину? Впрочем, уже в этих милых ностальгических представлениях о школь-

ных шалостях былых лет была невольная ошибка художника. С введением в Москве бесплатных учебников, которые надлежит передавать следующим поколениям учащихся, каляки-маляки на их страницах за редким исключением прекратились. Соответствующая воспитательная работа, подкреплённая экономическими санкциями (штраф в пятикратном размере стоимости испорченной книги), сделала своё дело. Так что последние двадцать лет изрисованный учебник скорее исключение, чем правило. В тех регионах, где родители платят за учебную литературу, они сами вынуждены перепродавать книги следующим поколениям потребителей знаний. В этом случае цена на этом вторичном рынке зависит от товарного вида учебника.

Вроде бы мелочь, но поколенческий разрыв в представлениях о «работе» с книгой в «школьные годы чудесные» изначально предопределил шок, испытанный детьми и педагогами.

Теперь о содержании шаржей. Некоторые отсылают к биографии писателей: у Достоевского в зрачках карточные бубны и пики, у Маяковского на щеке два отпечатка губной помады, рядом с ним весь зацелованный Есенин. Собирательный портрет «БлокПушкин» объединяет черты лиц обоих классиков, у Крылова на носу пятачок и свиные ушки на затылке, у Горького на воротнике надпись «Сладкий», а у Ивана Шмелева из ушей растут крылья шмеля. Изрисованные портреты соединены между собой многочисленными стрелочками, указывающими на преемственные линии в творчестве столпов отечественной литературы. Словом, кощунство, да и только.

Провокация достигла своей цели: на следующий день после открытия выставки в кабинете директора появилась кафедра словесников почти в полном составе. Глубокие и тонкие преподаватели пришли защищать своё сакральное пространство культуры. Между тем смысл художественного высказывания автора заключался именно в десакрализации.

Жёсткий тон дискуссии сразу задал один из опытейших преподавателей: хозяин злополучного кабинета, где был представлен «Пантеон школьных богов». Накануне у него был методический день, поэтому появление в его владениях такого безобразия было для него неприятной неожиданностью.

— Я отказываюсь работать в этом классе. Ученики в шоке. Один из старшеклассников вывел на доске: «Это не искусство — это г...но»!

— Прекрасно.

— Вы это серьёзно?

— Абсолютно. В кои-то веки не вы привычно защищаете культуру, а сами молодые люди поставлены в эту позицию.

— А что прикажете делать мне, как вести себя в этой ситуации?

— Не мне советовать такому опытному учителю, но я бы на Вашем месте попросил старшеклассников написать эссе с аргументированным обоснованием своего отрицательного отношения, по возможности обходясь без оскорблений автора.

— Прикажете обосновывать неприятие этой мерзости?

— Во-первых, не приказываю, а размышляю вслух, а во-вторых, почему это мерзость?

— ?

— Да, разумеется, провокация, но зачем-то она потребовалась художнику? К слову сказать, тонкой хрупкой женщине, чьей работой Вы восхищались на прошлой выставке «Ручная книга». Помните вышитую на шёлке (иллюстрации и текст) «Царевну-лягушку»? Да и на этой выставке Вы наверняка не успели ещё увидеть её видео-арт «Сны Веры Павловны». Удивительная, необычная вещь, отсылающая к Н.Г. Чернышевскому. Насколько я помню, произведения этого революционера-демократа сегодня изъяты из школьной программы, а подростки толпятся вокруг «Снов» и с интересом узнают о неразрешённом до сих пор проклятом вопросе русской интеллигенции: что делать? И после всего увиденного Вы будете по-прежнему считать, что такой автор, укоренённый в культуре, просто так, потехи ради, решил шокировать детей и их педагогов в придачу?

— Не знаю, каковы цели этого художника, но способ достижения возмутительный. Ученики сразу сказали: «А почему она себя так не разрисовала? Свою мать, своих родственников?» Чему мы их учим? Вот этому издевательству? Копанию в грязном бельё? Так этого и без нас хватает. Откройте Интернет, перелистайте бульварные издания, повествующие о якобы неизвестных

страницах жизни великих писателей и поэтов. Ничего, кроме смакования интимных подробностей личной жизни, мы там не найдём. А Вы — эссе, о чём? Воля Ваша, но пока в кабинете висит эта бесовщина, я туда не войду!

— Послушайте, но ведь это же прекрасно.

— ?

— Вы же, благодаря этой художественной провокации, вызвавшей такую бурную реакцию учеников, получили зримое подтверждение результатов своего многолетнего труда. Не хихикали, не потирали руки, наслаждаясь очередным приколом, а грудью встали на защиту святынь культуры. Bravo.

— Ну, знаете, я и без этих дешёвых, с позволения сказать, тестов уверен в эффективности своей работы.

— А напрасно.

— ?

— А вы всё-таки предложите школьникам написать эссе, и тогда посмотрим, что они на самом деле боготворят, кого реально защищают: великих писателей, чьи тексты запали им в душу, или зализанные эмблемки, мифологические символы культуры, с плохо различимыми чертами живых людей во всей их противоречивой полноте. «Бей наглеца. Спасай культуру!» — до боли знакомый мотив, парафраз схожего по тональности популярного во все времена патриотического лозунга.

Кстати, на четвёртом этаже вас поджидает ещё одна провокация на близкую тему, которая, вероятно, возбудит наших школьных историков и культурологов. Леонид Сохранский, проект «Памятники — аллюзии». Действительно памятники, известные любому ученику: начиная с «Медного всадника» и далее по списку иллюстраций в школьных хрестоматиях.

— Аллюзии (лат. *allusio* — шутка, намек) — стилистическая фигура, содержащая явное указание или отчётливый намёк на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи, — отчеканил мой оппонент.

— Вот именно намёк, в том числе на последствия наших образовательных усилий. Все памятники изготовлены из оплывшей пластмассы. Черты их размыты и с трудом различимы. На оседающих постаментах они издали напоминают то ли зализанные леденцы, то ли тающие на солнце ледяные скульптуры. Можно, конечно, задохнуться от возмущения, восприняв этот проект как метафору гибели отечественной культуры. Я, простите за назойливость, все о своём, об учительском.

Да, вложили мы в головы наших воспитанников: «Пушкин — наше всё». И всё? Вы уверены, что, окончив школу и сдав экзамены, наши выпускники возвращаются к пушкинским текстам? Скорее всего, защищают от посягательств они не Пушкина, а миф о нём и свои привычные хрестоматийные представления. Станным образом получается, что любить живого, а не мумию способен футурист Маяковский, в молодом запале предлагавший сбросить Пушкина с корабля истории. Но куда он сам денется с этого корабля? Может быть, стоит поговорить об этом со старшеклассниками, не боясь отойти от программы? А заодно и о странном чёрном юморе Даниила Хармса, который позволял себе по отношению к великим собратьям по цеху ещё и не такое...

Арт-хаус в школе

Здесь я на время прерву свой пламенный монолог, дабы у читателей не сложилось превратное впечатление о продвинутом директоре и, как принято сегодня говорить у молодых, «тормозящих» учителях.

Всё значительно сложнее. Передо мной сидели не молодые специалисты, делающие первые шаги на педагогическом поприще, не зашоренные училки, для которых шаг вправо или влево от программы равнозначен побегу, а подлинный мастер своего дела. Все мои аргументы на тему игровых ходов культуры были известны им заранее. Но они их не принимали. Почему? Вопрос стоял совсем в другой плоскости. С одной стороны, внешний мир не закроешь на реконструкцию, и бессмысленно изолировать детей от разного рода художественных высказываний, но с другой стороны, арт-хаус в школе — это не выставка в центрах современного искусства, где можно в любую секунду развернуться и уйти от раздражающего экспоната. Другое дело — жить с ним две недели. Решающий удар директору, опрокидывающий все его доводы, нанесла, как водится, женщина.

— Вы забыли, что в этом кабинете занимаются не только старшеклассники. Так вот, шестиклассники решили, что это десятиклассники нарисовали. А пятиклашки сказали, что они тоже так могут. В субботу к Вам собираются на приём возмущённые родители пятиклассников, — забила она последний аргумент в гроб директора.

— Да, правота родителей малышей неоспорима. Деликатность ситуации заключалась в том, что по неписанным этическим правилам ни один экспонат нельзя снять или переместить без согласия художника и кураторов выставки. Нарушать этот порядок я не собирался.

— Знаете что, через час начинается конференция, на которой соберутся художники, серьёзные искусствоведы с мировым именем, чьё внимание привлёк этот первый необычный опыт. Туда приглашены и педагоги. Приходите и высказывайте свои аргументы, а у меня сейчас есть более важные дела.

Я не лукавил. Надвигалась проверка противопожарной безопасности, а тут по всей школе, включая пути эвакуации, наставлено такое. Словом, миссию экскурсовода, знакомящего пожарного инспектора с актуальным искусством, кроме директора, взять на себя было никому. Забегая вперёд, скажу, что на следующий день я получил роскошный букет цветов

и письменное поздравление с открытием выставки от начальника службы МЧС по Юго-Западному округу Москвы. Такое поздравление дорогого стоит.

Чем же закончился скандал? В результате обсуждений к обоюдному согласию было принято решение о переносе «Пантеона школьных героев» в тот кабинет, где занимаются исключительно старшеклассники.

Тем временем

Я имел честь посетить два прекрасных урока: мировой художественной культуры (учитель Н.Н. Сорвина) и литературы (учитель Л.А. Лычагина). На первом шестиклассники продемонстрировали поразительные знания, навеяв на меня воспоминания юности, проведённой в археологических экспедициях. Эти ушлые шестиклашки мгновенно распознавали на дисплеях стили и виды древнегреческих ваз, считывали изображённые на них сюжеты мифов, со знанием дела рассуждали о законе функциональности для бытовых вещей, убедительно показывали, как красота работает на назначение сосуда. Словом, они в своём нежном возрасте в совершенстве владели теми знаниями, которые я с трудом осваивал в полевых условиях после первого курса исторического факультета. Таких знатоков хоть сейчас бери с собой в археологическую экспедицию.

Учителем я привозил из экспедиций керамические черепки, как наглядные пособия на уроках. Интерес к истории мгновенно повышался, когда дети держали в руках осколки древних цивилизаций. Но фрагмент не заменит целого. Блеклые иллюстрации в учебниках не решали задач эстетического воспитания, а один альбом с полноценными иллюстрациями, который приходилось носить между рядами парт, не позволял каждому ребёнку подолгу всматриваться в творения древних мастеров. К тому

же на перемещение по классу с альбомом уходила бездна времени, которого всегда не хватает на уроке. Такая вот педагогическая архаика.

Теперь ребёнок по щелчку мышки получает в Интернете нужное изображение из любого музея мира, сколь угодно долго рассматривая экспонат со всех сторон, увеличивая заинтересовавшие его или указанные учителем фрагменты. Вот откуда поразившие меня познания шестиклассников. Отбивает ли у них эта виртуальная реальность желание посещать музеи? Напротив, усиливает заинтересованность, позволяет осмысленно изучать выставленные в витринах экспонаты, комментировать их в качестве добровольных экскурсоводов, поражая родителей и других близких родственников своей неожиданной эрудицией. О приятном удивлении познаниями своих детей во время посещения отечественных и зарубежных музеев неоднократно рассказывали мне их родители после летних каникул.

Но дело не только в накоплении детьми специальной эрудиции, она может лечь мёртвым грузом на дно памяти, коль скоро учебный материал не запал в душу ребёнка и оказался не связан с его непосредственным опытом. Это и называется избыточной информацией, вызывающей перегрузку школьников. Отсюда стремление реформаторов образования убрать из школьных программ всё лишнее, на их взгляд, избыточное. А тут какие-то древние вазы. Разбить их (изъять из программ) проще простого, но как бы потом не пришлось склеивать черепки.

На уроке я наблюдаю, как педагог учит детей видеть в каждой вещи индивидуальность. Ведь любой из этих сосудов отличается уди-

вительной выразительностью формы. И наконец, главный итог урока, посвящённого древней вазописи. Древние греки открыли законы красоты, в эпоху архаики были созданы все формы сосудов. После такого вывода шестиклассники легко распознают эти формы в современных работах мастеров, какими бы сложными, а порой вычурными они ни казались на первый взгляд.

Следующий урок в восьмом классе «Любовь и время в сонетах Шекспира» рифмуется по смыслу с предыдущим. Идёт серьёзный взрослый разговор, без скидки на возраст затрагиваются глубокие философские и этические проблемы. Время как сила, противостоящая любви, — вечная тема культуры, проходящая сквозь века и тысячелетия. Но каждая эпоха соприкасается с ней по-своему, используя свои выразительные средства. Учитель это прекрасно понимает, поэтому чтение сонетов усиливается визуализацией. Параллельно с выразительным чтением на экране возникают кадры из фильма А. Тарковского «Сталкер», картина С. Дали «Постоянство памяти» с растекающимися, свисающими с ветки часами: мягкие часы, показывающие изменчивость субъективного индивидуального внутреннего времени. Вместе с тем на картине есть и нерастекающиеся, твёрдые часы — объективное время. Сюрреализм и Шекспир? Замечу, что это тот самый педагог, что совсем недавно резко выступал против «Пантеона школьных героев». Но её справедливая реакция была продиктована соображениями педагогическими. Стилистических разногласий у нас нет. Разумный человек не станет противопоставлять традиции и новаторство в искусстве. Ведь и Шекспир говорит в сонете о таком свободном цветении красоты, при котором «новизна не грабит старины»... **НО**